

УДК 97(73)

Ф.Д. РУЗВЕЛЬТ И СССР. 1933–1945 (к 80-летию установления дипломатических отношений между СССР и США)

© 2013 г. **В.В. Согрин***
Институт всеобщей истории РАН, Москва

В статье рассмотрена роль Франклина Д. Рузвельта во взаимоотношениях США и СССР, раскрыты объективные факторы, благоприятствовавшие укреплению позитивного отношения Рузвельта к СССР в 1930-е годы и его приверженности военно-политическому союзу с Советским Союзом в 1941–1945 гг., проанализированы амбивалентные оценки Рузвельтом советского политического режима и И.В. Сталина. Показано, что смерть Рузвельта в 1945 г. реально повлияла на ухудшение советско-американских отношений и ускоренный переход к «холодной войне».

Ключевые слова: *Ф.Д. Рузвельт и СССР, Рузвельт и Сталин, смерть Рузвельта и начало «холодной войны».*

Франклин Делано Рузвельт был избран президентом США в 1932 г. благодаря обещаниям вывести страну из самого жестокого в её истории экономического кризиса [11, 12]. Внешнеполитическая тема в президентской кампании оставалась на втором плане, однако совершенно игнорировать эту тему Рузвельт не мог. В начале президентства его внешнеполитическая повестка включала необходимые уступки господствовавшей тогда национальной стратегии *изоляционизма* и была в высшей степени прагматичной [18, р. 121; 21, р. 385; 30, р. 172–173].

Американское общественное мнение 1930-х годов реагировало на главные внешнеполитические вызовы десятилетия – приход к власти в Германии Гитлера, фашизация итальянского режима, захват власти в Испании Франко и, как следствие, обострение конфликтов в Европе – нараставшей приверженностью *изоляционизму*. Главный мотив был тем же, что и в 1920-е годы, – ни в коем случае не вмешиваться в неискоренимые европейские империалистические разборки. Резко усилилась критика отказа США от нейтралитета в 1917 г. и вмешательства в Первую мировую войну на стороне Антанты.

Рузвельт предоставил изоляционистам в американском Конгрессе фактически свободу рук. Во второй половине 1930-х годов они смогли провести четыре закона о нейтралитете, которые закрепляли принцип «невмешательства»

* СОГРИН Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Общественные науки и современность». E-mail: ons@naukaran.ru

в «порочные» европейские распри. Хотя в общественном мнении США преобладала идея, что главным виновником обострения европейских конфликтов являются авторитарные и тоталитарные режимы, изоляционисты не без успеха распространяли ту мысль, что имперских амбиций не лишены ни Франция, ни Великобритания [18, р. 126-127]. Со всеми этими настроениями Ф. Рузвельт, внутренне являвшийся последователем В. Вильсона («ввязавшего» США в Первую мировую войну на стороне Антанты) и рассматривавший нацизм в Германии как главный источник возможной новой мировой трагедии, не мог не считаться.

Внешнеполитической проблемой номер один для Рузвельта в момент вступления в президентскую должность был поиск возможностей выхода, крайне затруднённого без международных договорённостей, из экономического кризиса. Государственный секретарь К. Хэлл предлагал ему *интернационалистский* подход, т.е. коллективное сотрудничество и координацию действий с ведущими мировыми державами. Именно с этими настроениями госсекретарь во главе американской делегации прибыл в июне 1933 г. на международную экономическую конференцию в Лондон. Но уже с момента открытия конференции Рузвельт, составляя инструкции для Хэлла, внимал иным советникам. Они же убеждали президента, что, по причине экономического эгоизма европейских держав, США должны полагаться на односторонние действия и отдавать безусловную преференцию собственному национальному интересу. Наибольшее возмущение Рузвельта вызывали требования европейцев простить им военные долги и не выводить доллар из золотого стандарта, сохраняя его в качестве основной валюты, стабилизирующей мировую экономику. 2 июля 1933 г. в радиопослании лондонской конференции Рузвельт отверг эти требования. По лондонской конференции был нанесён смертельный удар [25, р. VII; 18, р. 179; 32, р. 291; 17, р. 668-671; 20, р. 386-391; 23, р. 372-375].

В качестве основополагающей внешнеполитической стратегии выхода США из кризиса президент избрал односторонние экономические договоры с заинтересованными иностранными государствами. Среди них прагматичный Рузвельт находил место и для Советского Союза, до того третировавшегося президентами-республиканцами как «страна-изгой», не достойная признания. Предоставление Соединёнными Штатами режима благоприятствования Советскому Союзу, как и установление с ним дипломатических отношений в середине ноября 1933 г., в исторической ретроспективе выглядит поразительным событием. Действительно, даже в более поздние периоды *мирного сосуществования, разрядки* и в постсоветскую эпоху США демонстрировали зачастую более враждебное отношение к СССР/России. Феномен советско-американских отношений 1930-х годов объясняется конкретно-историческими реалиями того десятилетия и, безусловно, личной позицией Ф. Рузвельта, продемонстрировавшего политическую волю в преодолении американских стереотипов в отношении СССР.

Массовую и резкую неприязнь американцев вызывал советский воинствующий атеизм. Уже по этой причине простые американцы, все американские церкви и неспособные проигнорировать их позицию политические лидеры были против признания СССР. Не меньшую неприязнь вызывали сталинские репрессии против крестьянства и коллективизация. О подлинных масштабах и характере сталинских репрессий, в частности о голодоморе, пик которого пришёлся как раз на 1933 год, американцы не знали. Но и имеющейся у них

информации было достаточно, чтобы некоторые американские фермеры, как свидетельствовали сообщения советского дипломата, предпочитали гитлеровский фашизм сталинскому социализму [4, с. 244]. Решительным противником признания СССР была главная профсоюзная организация США – Американская федерация труда (АФТ) – по очевидной причине отсутствия у советских рабочих элементарных, по её понятиям, экономических и политических прав. В целом, как внушалось американцам в предшествующие 16 лет «непризнания» коммунистической страны, США и СССР были несовместимыми цивилизациями, и установление дипломатических отношений с Советским Союзом было абсолютно неприемлемо.

Ф. Рузвельт, выступивший против антисоветской ортодоксии Республиканской партии, как, впрочем, и антисоветских взглядов президента-демократа В. Вильсона, по собственной инициативе, практически сразу после вступления в президентскую должность, поставил задачу незамедлительного признания СССР. Как докладывали в Москву советские дипломаты, прибывшие осенью 1933 г. для соответствующих переговоров в Вашингтон, безусловной заслугой Рузвельта было то, что АФТ на съезде того года впервые отказалась принять антисоветскую резолюцию, а американские церкви воздержались от критики воинствующего советского атеизма [4, с. 12, 39]. Рузвельт проявил уступчивость в вопросе о долгах досоветской России Соединённым Штатам. Американцы согласились включить их в качестве дополнительного процента по кредитам, которые будут предоставлены Советскому Союзу в будущем. Ради установления дипломатических отношений с СССР Рузвельт шёл на серьёзные компромиссы, умело, подчас при помощи лукавства, приукрашивая советские реалии, сглаживал острые проблемы, закрывал глаза на многие стороны сталинского тоталитаризма, результатом чего стало рекордно быстрое, фактически в течение двух недель, проведение переговоров о признании СССР и установление дипломатических отношений.

Чем объяснить столь благоприятную в отношении Советского Союза позицию Рузвельта? Общая причина, если коротко, – прекрасное осознание им конкретно-исторических реалий, требовавших сотрудничества с СССР. Среди них историки часто ставят на первое место признание Рузвельтом невозможности дальнейшего игнорирования одной из крупнейших стран мира [22, р. 223].

Но главными конкретно-историческими причинами следует признать другие. Одна из них – возможность преодолеть при помощи СССР, твёрдо и успешно вставшего на путь индустриализации, экономические трудности США. При этом учитывалось, что Советский Союз, отказывавшийся признать царские долги, вместе с тем добросовестно оплачивал текущие поставки американских товаров. Как подчёркивал в письме министру иностранных дел М.М. Литвинову Р. Моли, ближайший помощник и соратник американского президента, «американцы... также начали понимать, что когда вы купили косилки, тракторы и другие вещи, вы за них платили» [4, с. 27]. В США понимали, что СССР заинтересован в приобретении американских технологий и промышленных товаров в огромном количестве и будет оплачивать их по хорошей цене.

Другая основополагающая конкретно-историческая причина имела внешнеполитический характер. В ходе переговоров с советской стороной и Рузвельт, и Хэлл указали на наличие «двух главных источников военной опасности» и ясно дали понять, что таковыми в глазах американцев являются

Япония и Германия [4, с. 30, 33]. Эти страны представляли собой два главных источника опасности и для СССР. Таким образом, наблюдалось полное совпадение позиций двух сторон в понимании главных внешнеполитических опасностей. Правда, способы защиты Москва и Вашингтон мыслили по-разному. Москва, по крайней мере, как она это преподносила, была за союз с Вашингтоном против Японии на Дальнем Востоке. Вашингтон к такому союзу не был готов. Но совершенно очевидно, что тоталитарный советский режим был для Рузвельта меньшим злом, чем Япония и Германия, и в его внешнеполитическом раскладе признание СССР казалось реальным способом упрочения американских позиций в противостоянии большему злу.

Гибкая позиция Рузвельта на переговорах о признании СССР означала осознание национальных интересов США и не меняла его принципиальных оценок враждебной Соединённым Штатам советской цивилизации. Многие авторы, в первую очередь советские и российский публицисты, неоднократно приводили высокие оценки, которые Рузвельт, так же как и У. Черчилль, давал советскому вождю И.В. Сталину. Такие оценки, действительно, имели место быть. Но, на мой взгляд, прав отечественный исследователь В.Т. Юнгблуд, когда заключает, что «вряд ли стоит придавать решающее значение тому обстоятельству, что Рузвельт несколько раз тепло отозвался о Сталине» [15, с. 38]. Истинной позиции Рузвельта соответствуют оценки, в которых он характеризовал Сталина и советских руководителей как диктаторов, а советскую цивилизацию как «тотально отличную» от американской. После нападения Германии на СССР, в начале сентября 1941 г., Рузвельт утверждал: «По моему мнению, факт состоит в том, что Россия управляется диктатурой столь же жестокой по своей сути, как и германская диктатура. В то же время я считаю, что русская диктатура менее опасна для других государств, чем диктатура германская... Я считаю, что выживание России менее опасно... для человеческой цивилизации в целом, чем выживание германской разновидности диктатуры» [34, р. 61-62].

Признавая в 1933 г. Советский Союз и обеспечивая ему режим благоприятствования в экономических отношениях с США, американское правительство не считало такие отношения утверждаемыми раз и навсегда и проявляло максимальную расчётливость. В ответ на желание СССР, высказанное в 1935 г., продлить такой режим на 20 лет американский переговорщик, как сообщал советский посол в США А.А. Трояновский, «шутя заметил, что может через 10 лет Гитлер будет в Москве». В ответ советский посол «тоже шутя сказал, что скорее Гитлер, этот или другой, будет в Вашингтоне» [4, с. 215]. Дальше обмена «шутками» дело не пошло, советской стороне поставленной цели добиться не удалось.

Впрочем, и СССР не очаровывался Рузвельтом и американской властью. В советском политическом раскладе Рузвельт был меньшим злом в сравнении с республиканцами, при этом безальтернативным, поскольку ещё меньшего зла, способного прийти к власти в США, не существовало [4, с. 337]. Посол СССР предельно чётко обозначил главные причины, по которым Советский Союз должен «культивировать дружбу с Соединёнными Штатами». Одна причина – экономическая: «Лозунг “догнать и перегнать” в настоящее время носит очень конкретный характер – догнать и перегнать Соединённые Штаты, так как у других стран (Германия, Англия и Франция) мы можем кое-что получить, но очень немного. Соединённые же Штаты за последние годы в техническом отношении

сильно шагнули вперёд, и нам нужно сделать значительное напряжение, чтобы в первую очередь не отстать от них, а затем уже перегнать». Другая причина – внешнеполитическая: «В ближайшей мировой войне на стороне Германии будет и Япония. Раздел мирового господства между этими державами также неприемлем для Соединённых Штатов, как и возможное господство Германии. Для американского империализма, окружённого агрессивными империализмами Германии и Японии, это равносильно удушению, эта опасность заставляет Соединённые Штаты становиться на нашу сторону. Разумеется, мы должны культивировать дружбу с Соединёнными Штатами для того, чтобы облегчить и ускорить их окончательный переход на нашу сторону» [4, с. 358–359].

В исторической ретроспективе цели «догнать и перегнать Соединённые Штаты» и «ускорить их окончательный переход на нашу сторону» воспринимаются как утопия. Но советским политикам, с учётом их большевистской ментальности («нет таких вершин, которые не могут покорить большевики»), так не казалось. Экономическая и внешнеполитическая задачи Рузвельта и США в отношении Советского Союза были иными, гораздо более скромными и реалистичными. Но также позитивными. Этого было достаточно для стремительного установления между ними в ноябре 1933 г. дипломатических отношений. Соглашение об установлении дипломатических отношений было подписано 16 ноября 1933 г. После этого у СССР и США был эйфорический «медовый месяц», продолжавшийся около двух лет. Затем началось охлаждение, сопровождавшееся короткими потеплениями. Подлинно позитивный перелом в отношениях был вызван событиями 22 июня и 7 декабря 1941 года.

Первый посол США в СССР, У. Буллит, был преисполнен благих намерений. Он приложил немало усилий для облегчения американскому капиталу реального выхода на советский рынок, инвестиций в экономику, в первую очередь в ударные стройки сталинских пятилеток [31, р. 250–255]. Энтузиазм сменился у Буллита охлаждением, разочарованием и ненавистью к СССР в 1935 г. в значительной мере под воздействием начатых Сталиным массовых политических репрессий. Буллит стал рассматривать сталинский режим как большее зло, нежели гитлеровский фашизм. Это не совпадало с оценками Рузвельта. Первый американский посол в СССР был отозван.

Второй посол США в СССР, Дж. Дэвис, приступивший к обязанностям в ноябре 1936 г., был твёрдым сторонником укрепления отношений с Москвой. В улучшении отношений с СССР ему пришлось преодолевать сопротивление Госдепартамента, в первую очередь восточноевропейского отдела и его руководителя Р. Келли [24, р. 17–20]. Но на стороне Дэвиса был Рузвельт, полагавший, что позиция посла и его аналитические записки в большей степени соответствуют национальному интересу США.

Дэвис не одобрял сталинских «чисток», однако полагал, что «чистки» объективно направлены против Германии и Японии, а попытки американской изоляции СССР ударят по стратегическим целям США. Рузвельт внимал логике Дэвиса, а не Госдепартамента. Хотя прямые указания Рузвельта на этот счёт отсутствуют, Госдепартамент в 1937 г. был реорганизован, а его «антисоветский» восточноевропейский отдел ликвидирован [19, р. 132–134].

Заинтересованность Рузвельта в дальнейшем укреплении американо-советских отношений определялась резким обострением в 1937 г. конфликта США с Японией. Рузвельт в обход Госдепартамента, но при опоре на Дэвиса,

даже прощупывал возможность какой-либо формы военного сотрудничества с СССР (например, обмен разведывательной информацией). В конечном счёте этот манёвр был отклонён, но у советского руководства укрепилась надежда на реальное военное сотрудничество с американской стороной. В первую очередь Сталин рассчитывал на помощь США в создании современного военно-морского флота (без американских технологий это было затруднительно). Сторонники линии Рузвельта готовы были этому способствовать, но их намерения разбились о твёрдую позицию военно-морского министерства и адмирала У. Леги [19, р. 136-137].

Среди причин, не благоприятствовавших дальнейшему укреплению советско-американских отношений, был жёсткий бойкот руководством СССР выплаты США дооктябрьских российских долгов. Хотя долг был реструктурирован, сокращён с 188 млн. до 75 млн. долл. и включён в дополнительный процент по американским кредитам, советская сторона не обнаруживала желания его погашать. В то же время она настаивала на радикальном увеличении американских кредитов. Для Рузвельта это оказалось неприемлемым [27, р. 42-43]. Ограниченные возможности его уступок Советскому Союзу в тот период определялись, помимо всего прочего и в значительной мере, тем, что американский президент ещё сохранял приверженность стратегии «умиротворения» в отношении двух главных общих противников Москвы и Вашингтона.

Для США среди двух внешнеполитических опасностей главной был германский фашизм. Адольф Гитлер, пришедший к власти одновременно с Рузвельтом, стал почти на полтора десятилетия его основным мировоззренческим и глобальным оппонентом. В середине 1933 г. Гитлер ликвидировал все политические партии и профсоюзы. В августе 1934 г. в результате общенародного референдума соединил в своих руках посты канцлера и президента страны, став единоличным фюрером нации.

Вторая, после Германии, главная опасность для США, Япония, в 1930-е годы фактически присягнула принципу «Азия (в первую очередь Китай. – В.С.) – для японцев». Один из традиционно главных игроков в Тихоокеанском регионе – Великобритания – фактически предпочёл «выйти из игры». Два других игрока – СССР и США – от своих интересов не отказывались. СССР действовал энергично, разносторонне и изопрённо. Он оказывал военную помощь Китаю, в 1938 и 1939 гг. дал адекватный военный отпор Японии, но весной 1940 г. заключил с ней принципиально важный для себя договор о ненападении. Политика США в отношении Японии была также изопрённой, но и в высшей степени противоречивой, отстаивавшей национальные интересы чаще всего посредством сверхосторожных тактик *изоляции* и *нейтралитета*.

Среди историков не ослабевает дискуссия относительно роли Рузвельта во внешнеполитической линии США 1930-х годов в отношении двух главных зол. Многие историки, среди них советские и российские, полагают, что *нейтралитет* и *изоляция* США, которым потворствовал Рузвельт, объективно были на руку германскому и японскому агрессорам и должны быть включены в факторы, способствовавшие вызреванию Второй мировой войны.

Другая часть историков (автор разделяет эту позицию) полагает, что действовать в отношении Германии и Японии в условиях американского демократического режима и приверженности большинства политического класса и избирателей *изоляции* иначе, чем поступал Рузвельт, было невозможно.

Солидаризируясь с большинством политического класса и избирателей, президент, вместе с тем, не упускал случая просветить нацию относительно реальных перспектив взаимоотношений с Германией и Японией, как и действий в отношении них. И это просвещение народа в конечном итоге способствовало тому, что в нужный момент Рузвельт изменил и переломил американские внешнеполитические подходы и традицию. Подобную интерпретацию аргументирует Г. Киссинджер: «Все великие лидеры действуют в одиночку. Их неповторимость проистекает из способности распознать вызов, ещё далеко не очевидный для их современников. Рузвельт вовлёк изоляционистскую нацию в войну между странами, конфликт между которыми несколькими годами раньше считался несовместимым с американскими ценностями и не имеющим значения для американской безопасности... Рано или поздно угроза европейскому равновесию сил вынудила бы Соединённые Штаты вмешаться, с тем чтобы остановить стремление Германии к мировому господству. Очевидная для всех, всевозрастающая мощь Америки не могла не вовлечь её в центр международных событий. Но то, что это случилось так быстро и столь бесповоротно – заслуга Франклина Делано Рузвельта» [2, с. 332–333].

Только на поверхностный взгляд может показаться, что США с их приверженностью *изоляционизму* и *нейтралитету* несли основную ответственность за гитлеровскую экспансию. В действительности она может быть возложена на две главные европейские демократии – Францию и особенно Великобританию, которые играли основную роль в европейской, а следовательно, и в мировой политике по отношению к Германии. Именно они определили содержание стратегии *умиротворения* Гитлера, которая стала повивальной бабкой Второй мировой войны. Рузвельт и США восприняли принципы этой стратегии, но решающая роль в её генезисе и проведении принадлежала Великобритании и Франции. Великобритания с её приверженностью *балансу сил* надеялась выстроить в качестве двух главных европейских антагонистов СССР и Германию и столкнуть их лбами. Это была бы оптимальная *реалполитик* для западных демократий в целом. При этом для Великобритании гитлеровская Германия была меньшим, а СССР – бóльшим злом. Это отличало ведущего английского политика 1930-х годов Н. Чемберлена [9, с. 237] от Рузвельта, для которого Сталин всё же был меньшим злом.

Великобритания с её многовековым опытом мирового и европейского *смеющегося третьего* вела изоцирнённую политику в отношении как Германии, так и СССР. В конце 1930-х годов, когда европейский баланс радикально изменился в пользу Германии, она попыталась разыграть против неё «советскую карту». Но Сталин оказался не менее изоцирнённым политиком, чем Чемберлен. Выступая 10 марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), он разделил ведущие капиталистические страны на агрессивные (среди них главная – Германия) и неагрессивные (в них включались Великобритания, Франция и США) и, подчеркнув советский выбор в пользу неагрессивных стран, вместе с тем твёрдо заявил, что им в борьбе с агрессорами не удастся «загрывать жар чужими руками» [1, с. 263]. 23 августа 1939 г., заключив пакт о ненападении с Гитлером, он поверг западные демократии в состояние шока, но и дал абсолютно ясно понять, что имел в виду в речи 10 марта. Правда, как выяснилось позднее, Сталин «перехитрил» не только ведущих мировых игроков, но и самого себя. Но 23 августа и после он был преисполнен самоуверенности [13, с. 357].

Американское общество в соответствии с принципами изоляционизма и отношением к Европе как к «цивилизации войн» реагировало на эти процессы законами о нейтралитете. Они одобрялись большинством Конгресса и поддерживались нацией. Рузвельт не проявлял отличной точки зрения до 1937 г. Но в «карантинной» речи 5 октября 1937 г. он впервые посягнул на изоляционистскую ортодоксию. Не называя агрессоров по именам, он отметил, что 10% населения земли угрожают остальным 90%, разрушают нормы международного права и морали. Эпидемия беззакония стремительно распространяется в мире, бездействие далее недопустимо, агрессоры – «больные» – должны быть посажены на «карантин», т.е. отгорожены до выздоровления от остального мира [29, vol. V, p. 407-411]. Несмотря на метафорический характер речи, её расплывчатость и отсутствие конкретных предложений, она подверглась в Соединённых Штатах ожесточённой масштабной критике. Рузвельта обвинили в намерении втянуть США в войну. Президенту пришлось разъяснить свою позицию. В «беседе у камелька» со всей нацией 12 октября он уже не требовал «карантина» для «больных», но от защиты мира за пределами Америки не отказывался: «Я хочу, чтобы наша великая демократия проявила мудрость и осознала простую истину: чтобы самим избежать войны, мы не должны оставаться безучастными к нарушениям мира в других странах. В международных отношениях, где господствуют взаимные подозрения, для достижения мира нужно предпринимать решительные меры» [8, с. 133–134].

В течение последующих двух лет президенту пришлось филигранно лавировать между компромиссами с доминировавшим в стране изоляционизмом и стратегией сдерживания европейского и азиатского агрессоров. В отношении Германии он полагался на усилия двух главных европейских демократий. Обе они, и Франция, и, как и прежде, наиболее активно Англия, следовали линии «умиротворения». Англия тешила себя надеждой канализировать гитлеровскую агрессию на восток. Ради этого 30 сентября 1938 г. в Мюнхене Гитлеру были подарены чешские Судеты (под тем предлогом, что этот район с преобладавшим немецким населением должен «по справедливости» принадлежать Германии).

В отношении Японии Рузвельт на Англию не полагался. Более того, он испытывал недоверие к её азиатской политике. Лондон вёл себя на Дальнем Востоке откровенно пассивно. Американской власти приходилось изобретать средства сдерживания Японии, не обостряя, вместе с тем, отношений с изоляционистским большинством политического класса и общества. Теоретически существовала возможность военно-политического альянса против Японии с СССР, тем более что Москва проявляла к нему готовность. Но решительные практические меры против японской империи в расчёты Рузвельта не входили (военный альянс со сталинским режимом с учётом не только влияния изоляционизма, но и враждебного отношения к советскому социализму большинства американского общества вообще не мог рассматриваться). Избранная Рузвельтом стратегия противоборства с Японией включила, как основное средство, стремительное наращивание в Тихоокеанском регионе американской военно-морской мощи. Ещё в июне 1933 г. Рузвельт президентским указом выделил на программу строительства современного военно-морского флота 238 млн. долларов.

С этого момента программа успешно выполнялась и последовательно расширялась и углублялась. В мае 1940 г. во время своей третьей и последней в

мирное время для США предвыборной кампании, когда запах войны уже отчётливо ощущался и многие американцы осознали реальную возможность вовлечения в неё, Рузвельт выложил свой главный козырь: «В последние две-три недели американскую общественность кормили разного рода рассказами о плачевном состоянии нашей обороны... Я полагаю, вы имеете право узнать у меня подлинные факты. Да, мы тратили большие суммы на национальную оборону. Эти средства были использованы на то, чтобы превратить армию и ВМС Соединённых Штатов в самую крупную и самую лучшую по оснащению и подготовке военную машину за всю историю мирного времени... К 1933 году, когда к управлению пришла нынешняя администрация, военный флот Соединённых Штатов по составу кораблей и общей боеспособности значительно уступал флотам других стран. Однако в период с 1933 по 1940 год, то есть за семь финансовых лет, ваше правительство израсходовало на ВМС на 1 миллиард 487 миллионов долларов больше, чем за такой же промежуток времени до 1933 года... Численность личного состава ВМС возросла за этот период с 79 тысяч до 145 тысяч человек. Заложено или укомплектовано 215 боевых кораблей, что почти в семь раз больше, чем в предшествующие семь лет... В 1933 году в составе ВМС было 1127 действующих самолётов, а сегодня, если считать имеющиеся в наличии и заказанные промышленности, это число составляет 2892... С 1933 года мы закупили 5640 самолётов, среди которых – самые современные бомбардировщики дальнего радиуса действия и высокоскоростные истребители... В 1933 году во всей армии насчитывалось всего 24 современные пехотные гаубицы. Сейчас – с учётом заказанных – их у нас 1600. В 1933 году мы располагали всего 48 современными танками и броневиками. Сегодня их число составляет 1700... Мы намерены мобилизовать высокоэффективную производственную базу отрасли на осуществление правительственной программы, предусматривающей 50 000 самолётов в год» [8, с. 195–197].

Военно-морской флот и морская авиация США располагали возможностью в конце 1930-х годов противостоять агрессии Японии в Азии, но США предпочитали «держать порох сухим». Одновременно Рузвельт открыто заявил об осуждении гитлеровской агрессии в Европе. В то же время он отказался, несмотря на насаждавшееся в американских средствах массовой информации мнение о переходе СССР на сторону Германии, пойти на разрыв дипломатических отношений с Москвой. Согласившись, что Советский Союз является «страной диктатуры такой же, как и все остальные диктатуры в мире», он не стал «сжигать мосты» между Москвой и Вашингтоном и даже отказался предоставить военную помощь «храброму маленькому народу Финляндии» [цит. по: 3, с. 225], подвергшейся в ноябре 1939 г. агрессии со стороны сталинского режима.

Между тем в период с 1939 по 1941 г. советская власть серьёзно поменяла внешнеполитические приоритеты, что повлияло на ухудшение стратегических позиций западных демократий в борьбе с фашизмом. Сталин не отрицал возможности нападения Германии на СССР после подписания пакта 23 августа 1939 г. Но теперь он не рассматривал Германию в качестве главного агрессора. Возникшую мировую войну он уже характеризовал как битву между богатыми и менее богатыми империалистическими странами. Главным виновником объявлялись богатые страны, формально по той причине, что войну 3 сентября 1939 г. (после вторжения Гитлера 1 сентября в Польшу) объявила не Германия Великобритании и Франции, а наоборот. Советское руководство направляло

Германии поздравительные телеграммы по случаю её побед над Францией и Великобританией и создавало у своего населения впечатление, что инициаторами войны были Польша, Великобритания и Франция. Суть же сталинской *реалполитик* заключалась в том, что война Германии против западных демократий сталкивала лбами две антисоветские системы и оттягивала крестовый поход Гитлера против коммунизма. Сталину нравилось выступать в классической английской роли *смеющегося третьего* и наблюдать, как его главные враги истребляют друг друга [10, с. 63–65].

22 июня 1940 г. Франция прекратила сопротивление Германии, подписав самую позорную в своей истории капитуляцию. А малые европейские демократии были разгромлены Гитлером в мгновение ока. Соотношение сил западных демократий и фашизма принципиально изменилось в пользу последнего. Рузвельт, считавший свою страну главным гарантом демократии в мире, не мог не отреагировать на подобные реалии. Демократию нужно было спасать, и первый шаг – помощь единственному оставшемуся на поле боя демократическому воину – Великобритании.

В 1940 г. Рузвельт предпринял решительные шаги для преодоления сопротивления главных внутренних оппонентов – изоляционистов. Президент критиковал их всё более жёстко, а в обращении к нации 29 декабря 1940 г. заявил, что «среди американских граждан, причём занимающих высокое положение, есть такие, кто – в большинстве случаев по недомыслию, играет на руку вражеским агентам» [8, с. 210]. Переход Рузвельта в контратаку на изоляционистов в значительной мере объяснялся тем, что 5 ноября 1940 г. он нанёс сокрушительное поражение на президентских выборах своему республиканскому оппоненту (Рузвельт победил в 38 штатах, а проиграл только в десяти). Рузвельт баллотировался на третий срок вопреки американской демократической традиции, заветам Дж. Вашингтона и своей воле. Но его соратники доказывали, и Рузвельт внял им, что опасность, нависшая в 1940 г. над США, была не меньшей, если не большей, чем экономический кризис 1932 г. Отказаться от выдвижения на третий срок в такой ситуации было бы изменой американской демократии и цивилизации.

Решительной антиизоляционистской мерой Рузвельта стал законопроект о введении всеобщей воинской повинности в мирное (для США) время. Летом 1941 г., за четыре месяца до вступления Соединённых Штатов в войну, Палата представителей Конгресса США перевесом в один голос одобрила его. Ещё раньше, 11 марта 1941 г. Конгресс, также по инициативе Рузвельта, принял закон о ленд-лизе (займе-аренде), предоставлявшем займы или в аренду вооружение странам, в той конкретной ситуации Великобритании, оборона которых отвечала жизненным интересам США. Это было в высшей степени целесообразно, поскольку предшествующий принцип продажи оружия Лондону – «плати и увози» – опустошил английскую казну. Ленд-лиз позволял забирать американское вооружение (во временное пользование до окончания войны) бесплатно. Сенат 60 голосами против 31, а Палата представителей 317 против 71 одобрили закон. Нация согласилась с определённой Рузвельтом главной стратегической задачей Соединённых Штатов – стать «Великим арсеналом демократии».

Рузвельт не ограничился формулированием такой стратегической цели. В первой половине 1940 г. он сформулировал для США глобально цивилиза-

ционную цель. То есть сделал то, что В. Вильсон предпринял в 1917–1918 гг. Это была уже не просто *реалполитик*, а *идеализм* и *интернационализм* вильсоновского образца. 27 мая 1941 г. в радиообращении к обоим американским континентам, которое слушали 67 млн. человек, он решительно отверг гитлеровский миропорядок и не менее решительно версальско-вашингтонскую систему и американский изоляционизм [8, с. 230]. Президент приравнял изоляционизм к трусости. Ещё в январе 1941 г. Рузвельт определил демократическую доктрину нового миропорядка. Она включала четыре свободы: свободу слова, свободу вероисповедания, свободу от нужды и свободу от страха. Ответом на возможные обвинения в идеализме и утопизме было: «Может быть такой мир невозможен? Великая хартия вольностей, Декларация независимости, Конституция Соединённых Штатов, Прокламация об освобождении (чернокожих рабов в США 1 января 1863 г. – *В.С.*) – всё это когда-то казалось недостижимым идеалом и, тем не менее, было воплощено в жизнь» [8, с. 230].

Из четырёх названных документов три принадлежали США и один – Англии (Великая хартия вольности. – *В.С.*). Новый миропорядок должен был, по убеждению Рузвельта, основываться на американских ценностях. Это был лейтмотив его идеологии эпохи Второй мировой войны. Ещё за несколько месяцев до своей майской речи 1941 г. он внушал согражданам: «Образ жизни, который мы строим и храним, нужен не только Америке, но всему человечеству. На нас лежит высокий долг, мы несём благородную миссию» [8, с. 203].

22 июня 1941 г. в конфигурации Второй мировой войны произошла радикальная перемена. Гитлер, отчаявшись завоевать Великобританию, направил главный удар против СССР. Военно-стратегический манёвр фюрера поверг в шок Сталина и привёл в изумление западных политиков. Некоторые влиятельные политики США, среди них будущий президент страны Г. Трумэн, полагали, что теперь уже американцам следует занять позицию *смеющегося третьего* и предоставить фашизму и коммунизму уничтожать друг друга. Рузвельт счёл такую позицию безответственной. 24 июня он твёрдо заявил: «Мы предоставим России всю помощь, которую мы сможем». Фактически он слово в слово повторил фразу У. Черчилля, которую тот произнёс вечером 22 июня [10, с. 127–129].

Два западных лидера не любили коммунизм, но стратегический расчёт привёл обоих к антифашистскому альянсу с СССР. С идеологической точки зрения этот альянс был не менее естественен, чем советско-германский пакт августа 1939 г. В обоих случаях решающая роль принадлежала *реалполитик*.

Антифашистский альянс складывался шаг за шагом, преодолевая препятствия, посредством стратегических и тактических договоренностей, уступок, компромиссов. С самого начала Рузвельт был озабочен выработкой идеологической основы антифашистского альянса, которая должна была определить контуры и даже основы будущего мироустройства. Практически неизменным его тактическим ходом в рамках альянса было первоначальное достижение договорённости с Черчиллем, а затем её предоставление для осмысления Сталину. С идеологической точки зрения доктрины Рузвельта носили либерально-демократический характер, но, как ни парадоксально, Сталин одобрял многие из них. Первое объяснение лежит на поверхности: в обмен Сталин получал от демократических союзников важные геополитические уступки, а от США – щедрую материальную помощь. Следующее объяснение заключается в том, что Сталин не придавал доктринам, вырабатывавшимся на перспективу, серъ-

ёзного значения. Главным было добиться военно-стратегического успеха, а после этого политический торг мог быть возобновлён.

Первым и основополагающим либерально-демократическим документом, подготовленным совместно и подписанным Рузвельтом и Черчиллем, стала Атлантическая хартия. Она была одобрена в середине августа 1941 г. В Атлантической хартии либерально-демократические принципы США уже прямо предлагались в качестве матрицы всего мирового развития. По структуре, как и по содержанию, Атлантическая хартия перекликалась с «14 пунктами» В. Вильсона от 1918 г., но пунктов в ней было только восемь, а заключительные включали новые принципы, развивавшие вильсонианскую доктрину с учётом рузвельтовских идеологических и практических экспериментов 1930-х годов.

Пункт первый гласил, что участники антигитлеровской коалиции отвергают экспансию – «территориальную или какую-либо иную». Второй пункт утверждал, что любые изменения границ возможны исключительно «с согласия и на основе свободного волеизъявления заинтересованных народов». Третий – «все народы имеют право выбирать ту форму управления, которую они предпочитают, а народам, которые посредством силы были лишены суверенитета и самоуправления, это право должно быть возвращено». Четвёртый принцип был равнозначен излюбленной американской доктрине «открытых дверей»: все страны, независимо от размеров и политического веса, должны иметь равный доступ к мировым рынкам и ресурсам. Пятый пункт, отсутствовавший в традиционном вильсонианстве и отражавший рузвельтовскую социализацию либерализма, объявлял целью «самого тесного экономического сотрудничества наций» обеспечение всем им «улучшения трудовых стандартов, экономического продвижения и социальных прав (*social security*)». Шестой принцип, также чисто рузвельтовский, требовал от нового миропорядка гарантировать всем народам «свободу от страха и нужды». Седьмой пункт предполагал свободу передвижения в мире, восьмой – уже традиционно вильсонианский – требовал полного отказа от использования силы в мировой политике и международных отношениях [33, р. 84-85]. К концу сентября 1941 г. Атлантическая хартия была одобрена 15 государствами, включая СССР.

После того как в декабре 1941 г. США непосредственно и полнокровно вступили во Вторую мировую войну, антигитлеровская коалиция оформилась в виде союзнических отношений и обязательств, а её мозгом и мотором стала «Большая тройка» – СССР, США и Великобритания. Тогда же обнаружилось, что внутри «тройки» существует не только единство, но также разногласия и противоборство. Между США и Великобританией единства было гораздо больше, нежели между каждой из этих стран и СССР. Но различия существовали и между двумя демократиями.

На первом этапе существования антигитлеровской коалиции главным различием между Великобританией и США был вопрос об открытии второго фронта и стратегии военной помощи Советскому Союзу. США по стратегическим и тактическим соображениям придерживались позиции, более благоприятной для СССР. Союзники договорились о возможности открытия второго европейского фронта в 1942 г. Далее практические вопросы решались в переговорах между США и Великобританией. США считали целесообразным открыть второй фронт как можно скорее мощным совместным ударом по гитлеровским войскам в Западной Европе. Великобритания же считала, что второй фронт может быть от-

крыт в Африке, где германская армия под командованием Роммеля отнимала у Лондона колониальные владения. Американцы пошли на уступку Лондону и помогли переломить ход военных действий в Африке. После этого американцы предложили открыть второй фронт в Европе в 1943 г. совместным с англичанами форсированием Ла-Манша и высадкой во французской Нормандии. Но англичане вновь переубедили их, обосновывая целесообразность открытия второго фронта освобождением Италии. Высадка же войск Англии и США в Нормандии (операция «Оверлорд»), которая советским руководством только и признавалась открытием второго фронта, отодвигалась на май 1944 г. Раздражённое руководство СССР ответило угрозой пересмотреть свои обязательства об открытии уже советского «второго фронта» против Японии [7, с. 259–264].

Чем объяснить отказ США от своей позиции в пользу Великобритании? Мотивов было, как минимум, три: приоритет для США интересов «особого» союзника и единомышленника – Англии; неподготовленность, по совокупности военно-технических расчётов, англо-американских войск к эффективной масштабной схватке с немцами в Нормандии; очевидная с конца 1942 – начала 1943 г. решимость и способность СССР, пусть и ценой любых людских потерь, переломить ход войны на главном фронте в свою пользу. Жертвы СССР сохраняли людские резервы западных демократий. Благодарностью со стороны Рузвельта были материальная помощь СССР и признание его решающего вклада в разгром главного мирового зла. Второй же фронт в его советском понимании был открыт только в июне 1944 года.

Разногласия между США и Великобританией не перечёркивают того, что их единство и союзнические отношения были гораздо теснее, нежели их партнёрство с Советским Союзом. Но отношения Рузвельта со Сталиным были также очень важны, более того именно их две встречи (в Тегеране в ноябре – декабре 1943 г. и в Ялте в феврале 1945 г.), обе с участием Черчилля, стали подлинно судьбоносными как для мировой политики периода Второй мировой войны, так и для послевоенного мироустройства. Важность контактов и взаимодействия США с СССР на всех уровнях имела тенденцию усиливаться. По очевидной причине: СССР, одерживавший фантастические, немислимые, как для американцев, так и для англичан, победы над вермахтом, превращался в мировую сверхдержаву, по своему реальному весу в мировой политике превосшедшую Великобританию.

Взаимоотношения Рузвельта с Советским Союзом в период войны были неоднозначны, но единение и союзничество оказывалось сильнее и важнее подспудной неприязни, подозрений, противоборства. Лейтмотив Рузвельта в отношениях с Москвой заключался в том, что без Советского Союза западным демократиям с мировым фашистским злом было не справиться, как не мог справиться с ним самостоятельно и Советский Союз. Поэтому западные демократии и коммунистическая диктатура должны были самым тесным образом сотрудничать и помогать друг другу. Ради этого Рузвельт был даже готов перестать называть СССР диктатурой, а Сталина – диктатором. Более того, у него возникла вера, поначалу робкая, но со временем не ослабевавшая, а усиливавшаяся, что Советский Союз можно ввести в лоно демократической цивилизации. Ради укрепления союза с Москвой он готов был принимать желаемое за действительное. Осенью 1941 г., выступив с предложением распространить закон о ленд-лизе на СССР, он начал убеждать американцев, что Советский Союз был

озабочен проблемой религиозной свободы не меньше, чем США [18, р. 130]. 7 ноября 1941 г., в день рождения советской власти и драматического военного парада в Москве, ленд-лиз был Советскому Союзу предоставлен. Позднее Рузвельт позволял себе высказываться о возможности некоторой, как сказали бы в наше время, конвергенции советской и американской систем [35, р. 377-378].

Вряд ли подобные высказывания превращались для Рузвельта в убеждения, скорее они служили политическим допингом, стимулировавшим как американцев в целом, так и самого Рузвельта к укреплению в высшей степени целесообразного военно-политического союза с СССР. Но нельзя не видеть и того, что в период Второй мировой войны Рузвельт, как и многие представители американской элиты и миллионы простых американцев, проникся к СССР искренней симпатией и стал забывать о различиях между советской и американской системами. Ещё в 1939 г., согласно социологическому опросу, большинство американских респондентов считали коммунизм большим злом, нежели фашизм. Но с лета 1941 г. кривая социологического мониторинга резко изменилась. По совокупному показателю 1941–1945 гг. только 20% американцев испытывали недоверие к СССР и слабо верили в возможность продолжения сотрудничества с ним после окончания войны; 35% были оптимистами и верили в такую возможность; 45% были оптимистами «наполовину». Оптимизм достиг пика осенью 1943 г. (оптимистами были 54% опрошенных) и медленно пошёл на спад с 1944 г. [18, р. 130-138; 19, р. 46, 131].

Оптимистически о возможностях тесного сотрудничества с СССР в годы войны, как и после неё высказывались не только сторонники Рузвельта, но и ряд лидеров Республиканской партии, среди них Г. Гувер и У. Уилки. Кандидат в президенты США от Республиканской партии У. Уилки, посетив осенью 1942 г. СССР, обнаружил у русских и американцев много общего в характере, мышлении и поведении и даже усмотрел в советской системе начала демократии и равенства возможностей [36]. Но, конечно, ни Уилки, ни Рузвельт не превращались в «просоветских» политиков и чётко осознавали ту грань, которую во взаимоотношениях с коммунистической державой нельзя было переходить. Оба исключали не только необходимость, но и возможность их политической поддержки «друзьями Москвы» (в первую очередь американскими коммунистами) во время внутренних избирательных кампаний. Такая поддержка и даже намёки на неё могли пойти им только во вред.

Рузвельт исключал возможность поделиться с СССР планами разработки ядерного оружия, к которой США приступили с начала войны (от Черчилля это в секрете не держалось). Это было то оружие, которое следовало до критического момента держать «сухим» не только в отношении смертельно опасных врагов, но и в отношениях с коммунистическим, пусть и «конвергирующим», союзником. Но и двойная игра с СССР для Рузвельта, как по меркам его политического реализма, так и по морально-нравственным соображениям, была опасна и неприемлема. Рузвельт достаточно чётко определил масштаб «честной игры» с СССР и не считал возможным отступать от её принципов.

Один из этих принципов исходил из того, что СССР, как и США, возвысился до положения сверхдержавы, а потому организация мирного и рационального миропорядка без тесного партнёрского взаимодействия с ним невозможна не только во время войны, но и после неё. Надёжным средством достижения этой цели являлось укрепление доверия между двумя странами.

Особое значение Рузвельт придавал личным отношениям и контактам со Сталиным. Как представляется, Рузвельт делал максимум возможного для завоевания доверия советского вождя.

Другой основополагающий принцип реалистической «честной игры» Рузвельта заключался в признании геополитических интересов СССР в Восточной Европе и на Дальнем Востоке. Этот реалистический подход оказывался в противоречии с «идеалистическим» принципом о праве каждого народа на государственное самоопределение, провозглашённым в Атлантической хартии. Рузвельт обнаружил готовность поступиться идеалистическим принципом ради реалистического. Он признал возможность и необходимость для СССР укрепить свои границы за счёт суверенных прав Латвии, Литвы и Эстонии. Также он счёл возможным пойти на необходимые уступки Сталину в польском вопросе и отклонил просьбы эмигрантского польского правительства встать на его сторону. Рузвельт поддержал территориальные запросы СССР на Дальнем Востоке.

Отношение Рузвельта к Советскому Союзу отражало позицию значительной части американской политической и военной элиты. Но отнюдь не её всей. Негативную линию в отношении СССР обозначал Госдепартамент. В сентябре 1943 г. в его аналитической записке «Современные тенденции советской внешней политики» доказывалось, что военно-стратегические и политические интересы советского руководства противоречат позиции западных союзников, поэтому реалистическая перспектива взаимоотношений с ним – противоборство [5, с. 103]. Как ни парадоксально, противоположную позицию, совпадавшую с рузвельтовской и укреплявшую её, занимало военное ведомство. Осенью 1942 г. в его аналитической записке утверждалось: «...Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счёте, она понадобится в аналогичной роли для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире... Если союзники победят, Россия будет одной из трёх самых могущественных стран мира. Во имя будущего всеобщего мира мы должны быть подлинными друзьями и иметь возможность так направлять мировые события, чтобы обеспечить безопасность и процветание. Далее, после войны потребности России в американской продукции будут попросту колоссальными... Из вышесказанного представляется очевидным, что отношения с Советским Союзом имеют более важное значение для нас, чем отношения с любой другой страной, за исключением только Соединённого Королевства...» [14, т. 2, с. 282–285]. Логика этой аналитики выказывает не только объективные причины, по которым США нуждались в тесном союзе с Москвой, как в военный, так и в послевоенный период, но и причину, по которой США могли «привязать» к себе СССР. Эту причину – экономическое могущество США, которое позволило бы им быть главным солистом послевоенного мироустройства, – Рузвельт включал в свои стратегические расчёты.

Необходимые уступки интересам СССР не означали отказа от «идеалистического» подхода к мировой политике, который был оптимален для национального интереса США. Но они означали необходимость трезвого расчёта возможного баланса между «идеализмом» и «реализмом». Иллюстрацией такого расчёта может служить известное высказывание Рузвельта, относящееся к 1943 году: «...Миру повезёт, если он получит 50% от ожидаемых результатов

войны (совершенно очевидно, результатов, соответствующих американским целям. – *В.С.*). Это будет высокая средняя величина» [цит. по: 20, р. 63].

Такой реалистический подход характеризовал позицию Рузвельта во время его двух исторических встреч со Сталиным – в Тегеране и Ялте. В Тегеране (30 ноября – 2 декабря 1943 г.) выяснилось, что в «Большой тройке» на самом деле главенствуют Рузвельт и Сталин. Сталин после триумфальной Сталинградской битвы чувствовал себя уверенно, и уступки ему были неизбежны. Рузвельт признавал это и делал всё, чтобы расположить к себе советского лидера. Он демонстративно дистанцировался от Черчилля и очаровывал Сталина. Черчилль, как потом вспоминал Рузвельт, «багровел и выходил из себя, но чем больше он это делал, тем больше Сталин улыбался». На следующий день после тесного общения со Сталиным Рузвельт впервые назвал его «дядя Джо» и завоевал, как ему показалось, сердце восточного вождя [2, с. 370].

В Тегеране Рузвельт твёрдо пообещал Сталину открыть второй фронт в мае 1944 г., а Сталин в ответ заверил, что СССР откроет после победы над Гитлером собственный фронт против Японии. Относительно планов послевоенного мироустройства были достигнуты принципиальные договорённости. Подтверждалось коллективное руководство международным миропорядком через посредство Организации Объединённых Наций (учреждалась решением от 1 января 1942 г.). Руководящая роль в поддержании международного мира отводилась рузвельтовским «четырёх полицейским» – СССР, США, Великобритании, Китаю. В конце 1943 г. было ясно, что двумя «императорами» в четвёрке будут США и СССР. Территориальные претензии Сталина были Рузвельтом поддержаны. Он не возражал против включения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР (правда, попросил Сталина провести среди прибалтийских народов по этому вопросу плебисцит, и Сталин согласился на такую меру, но «без международных наблюдателей»). Была воспринята сталинская концепция послевоенных границ Польши, как и передача СССР Восточной Пруссии с Кенигсбергом. Уступкой со стороны «дяди Джо» был видимый отказ от мировой коммунистической революции (за полгода до Тегерана был распущен Коминтерн), что, конечно, не означало отказа Сталина от расширения, уже иными средствами, советской сферы влияния в мире.

Ялтинская конференция, проходившая 4–11 февраля 1945 г., в первую очередь её итоги, вызвала ожесточённые споры в политических кругах США. Они были продолжены историками и сохраняют актуальность по нынешний день. В Соединённых Штатах громко звучал голос тех, кто объявил позицию Рузвельта, как минимум, ошибочной и, как максимум, предательской. Профессиональные исследователи уделяли пристальное внимание субъективным «ошибкам» Рузвельта. Одни видели их в непонимании Рузвельтом «органического» характера «имперской сути» России [26, р. 104–105], которая не могла быть устранена никакими обязательствами Сталина, как и любого из советских вождей. Другие полагали, что Рузвельт не принял в расчёт «параноидального» характера Сталина, действия которого по этой причине были непредсказуемы и доверять которому – хоть устным, хоть письменным обязательствам с его стороны – было ошибкой [19, р. 168].

Другая часть политиков и исследователей исходила из того, что Рузвельт действовал в соответствии с буквой и духом политического реализма и получил, если воспользоваться приводившимся выше суждением Рузвельта, «50%

от ожидаемых результатов войны». Г. Киссинджер, один из наиболее последовательных американских защитников политического реализма, обосновывал эту точку зрения лапидарно: «Ялта стала символом позора с точки зрения формирования послевоенного мира. И всё же, когда проходила эта конференция, советские войска уже давно перешагнули все границы 1941 года и были в состоянии односторонне навязать советский политический контроль над всей остальной Восточной Европой» [2, с. 369]. Дж. Гэддис, полагавший, что Рузвельт недооценивал фактор «сталинской паранойи», вместе с тем, в принципиальной оценке итогов Ялты фактически солидаризировался с Киссинджером: «Вопреки последовавшим обвинениям, Рузвельт в Ялте не уступил Сталину ничего, что тот уже реально или потенциально не контролировал» [19, р. 166]. Можно также привести известную оценку самого Рузвельта, что в Ялте он «сделал для поляков всё, что было в его силах», как и сослаться на результат авторитетных американских опросов общественного мнения, свидетельствовавших, что после ялтинской конференции не более 9% респондентов сомневались в справедливости её решений [28, р. 1084].

Ялтинская конференция одобрила как фундаментальные принципы послевоенного мироустройства, так и конкретные решения по поводу завершающей фазы войны [33, р. 89-95]. Среди фундаментальных соглашений, одобренных лидерами «Большой тройки», присутствовала Декларация освобожденной Европы, закреплявшая основополагающее положение Атлантической хартии: «Принцип Атлантической хартии заключается в праве народов выбирать форму правления, в которой они желают существовать, что предполагает возвращение суверенных прав и самоуправления тем народам, которые были лишены их при помощи силы нациями-агрессорами». Другой фундаментальный документ касался членства в Организации Объединённых Наций, созыв которой назначался на 25 апреля в США. Советскому Союзу предоставлялись дополнительные места, которые должны были занять Украина и Белоруссия. В Совет Безопасности, выступавший в качестве замены «Четырём полицейским», предполагалось включить СССР, США, Великобританию, Китай и Францию. Каждый член Совета Безопасности наделялся правом вето в отношении обсуждаемых решений.

Побеждённая Германия, согласно решениям Ялтинской конференции, должна была быть разделена на четыре оккупационные зоны, а в «клуб» четырёх победителей, помимо «Большой тройки», включалась Франция. СССР обязывался через три месяца после капитуляции Германии вступить в войну против Японии. Южный Сахалин и прилегающие острова, отчуждённые от России Японией в 1904–1905 гг., должны были быть переданы СССР. Также Япония уступала СССР Курилы.

Отдельная декларация конференции, ставшая впоследствии источником жёсткой критики Западом Советского Союза, касалась Польши. Признавая, что новая ситуация в Польше определялась её «полным освобождением Советской Армией», декларация, вместе с тем, указывала, что созданное в результате «Временное правительство должно быть реорганизовано на широкой демократической основе с включением в него демократических лидеров, находящихся как в самой Польше, так и в эмиграции». И далее: «Это новое правительство должно после этого именоваться Польским временным правительством Национального единства», оно «должно взять обязательство проведения свободных

выборов в максимально короткие сроки на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования», при этом в выборах «имеют право участвовать и выдвигать кандидатов все демократические и антинацистские партии».

События после Ялты свидетельствовали, что её решения относительно территории Европы, занятой Советской Армией, не оказались для Сталина обязательными. Это стало важной причиной изменения в негативном направлении отношений между США и СССР. Рузвельт не отказался от принципиальной позиции сотрудничества с СССР, но между Москвой и Вашингтоном возникла трещина, реально углублявшаяся ещё при жизни Рузвельта.

Рузвельт не мог не реагировать на давление американского общественного мнения, в котором на завершающем этапе войны достигла пика убеждённости в том, что главной целью победы над фашизмом являлась реализация либерально-демократических принципов, как они фиксировались в Атлантической хартии и Декларации освобождённой Европы. Сталин же откровенно вёл себя в освобождённой Восточной и Центральной Европе, как в своей законной сфере влияния, не обращая внимания на ялтинские обязательства. США отвечали собственными односторонними действиями, среди которых наиболее скандальным оказался «бернский инцидент». Весной 1945 г. американская разведка начала односторонние консультации с нацистами в Берне по вопросам капитуляции немцев в Италии. На возмущённый запрос по этому поводу советской стороны американцы отвечали уклончиво и обтекаемо [6, с. 303–304]. Даже в этой ситуации Рузвельт искренне стремился восстановить доверие между ним и Сталиным. До своей кончины (12 апреля) он убеждал себя и окружающих, что без партнёрства с СССР сохранить прочный и длительный мир после победы над фашизмом не удастся.

Создаётся впечатление, что Рузвельт до конца дней верил в возможность изыскивать средства приобщения СССР к мировому порядку по-американски. В противном случае невозможно объяснить, почему он исповедовал не только целесообразность, но и реальность не просто сосуществования двух «тотально отличных» сверхдержав-победительниц, но их тесного сотрудничества. Представляется, что Рузвельт видел тому как объективное, так и субъективное основание. Объективное основание заключалось в том, что в годы войны США совершили мощный рывок не просто к лидерству, но к гегемонии и доминированию в мировой экономике. Их удельный вес в мировой экономике вырос с довоенных 20% до более чем 50%. Но экономическое доминирование выражалось не только в этих цифрах. Не менее важным было то, что Рузвельту удалось свершить в сфере мировой экономики то, о чём В. Вильсон не мог даже мечтать в годы Первой мировой войны.

На завершающем этапе войны США создали прочные международные институты экономической гегемонии. В середине 1944 г. в Бреттон-Вудсе (г. Вашингтон) был учреждён Международный банк реконструкции и развития, активы которого практически полностью принадлежали Соединённым Штатам. Всемирный банк, как его стали для краткости называть, предназначался для восстановления экономики европейских стран, а также помощи новым нуждающимся странам Азии, Латинской Америки, Африки. В то же время там же был создан Международный валютный фонд (МВФ). Он был призван обеспечить стабильность международных денежных расчётов и обращения. Его резервами стали золото и доллары вместо прежних золота и фунта стерлингов.

США тогда контролировали две трети мировых запасов золота, и по золотой обеспеченности доллар был вне конкуренции. В обоих международных финансовых центрах большинство постов принадлежали американцам.

Субъективное основание заключалось в самом Рузвельте. Он никогда не был фаталистом и верил в способность человека менять ход истории. Реалии 1930–1940-х годов убеждали многих и многих (среди них, вероятно, и самого американского президента), что именно Рузвельт являлся таким человеком. Он спас американскую цивилизацию от экономического краха в 1930-е годы, а в 1940-е годы поднял США до уровня экономической и военно-политической сверхдержавы. И в 1930-е, и в 1940-е годы он руководствовался принципом «в мире нет ничего страшного, кроме самого страха» и блестяще доказывал на практике свою оптимистическую правоту. Политическому гроссмейстеру Рузвельту казалось, что, взаимодействуя со Сталиным в «лайковых перчатках», используя экономическую зависимость Москвы от Вашингтона и обладая «сухим порохом» ядерного оружия, он сможет «полюбовно» управляться со второй мировой сверхдержавой. Судьба не дала ему возможности реально испытать объективное и субъективное основания американского «превосходства» над СССР.

Сомнительно, чтобы «фактор Рузвельта» принципиально повлиял на Сталина при подведении окончательных итогов Второй мировой войны, как и в послевоенном обустройстве Европы и мира. Но смерть Рузвельта оказала воздействие на отношения СССР и США. В годы войны в Советском Союзе Рузвельту был создан образ искреннего друга России. «Дядя Джо» чувствовал себя комфортно при личном общении с великим и обаятельным американским лидером. Новость о смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г. погрузила СССР в национальный траур. Миллионы советских людей искренне плакали и были уверены, что Россия потеряла лучшего зарубежного друга.

Опасения советских руководителей по поводу последствий смены национального лидера в США не заставили себя долго ждать. Сменивший Рузвельта на президентском посту Трумэн не был политическим гроссмейстером, а тем более, уровня Рузвельта. Будучи, как и Рузвельт, приверженцем концепции «Американского века», Трумэн не обладал желанием и искусством действовать в отношениях с Москвой в «лайковых перчатках». Он с самого начала выказал намерение полагаться на силу. Когда 23 апреля 1945 г. В.М. Молотов, советский министр иностранных дел, впервые встретился в Вашингтоне с Трумэном, тот без промедления окатил московского союзника ушатом ледяной воды. Сам американский президент впоследствии горделиво отмечал, что нанёс советскому министру сходу «двойной удар в челюсть», жёстко потребовав выполнять ялтинские соглашения [19, р. 169]. А накануне той встречи в беседе с А. Гарриманом, американским послом в Москве и единомышленником Рузвельта, высказавшим новому президенту мысль о важности компромиссов, Трумэн отрезал: «...В важных вопросах мы должны получать 85% того, что хотим» [6, с. 320]. Помощникам президента нужно было забыть о рузвельтовских 50%. Трумэн был готов к радикальной перемене отношений с главным союзником по антигитлеровской коалиции. Она не замедлила произойти.

Список литературы

1. Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990.
2. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

3. *Мальков В.Л.* Россия и США в XX веке. М., 2009. С. 225.
4. Москва – Вашингтон. Политики и дипломатия Кремля. Сборник документов в трёх томах / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2009. Т. 3. 1933–1941.
5. *Мягков М.Ю.* Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях. 1941–1945. М., 2006.
6. *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2008.
7. *Печатнов В.О., Манькин А.С.* История внешней политики США. М., 2012.
8. *Рузвельт Ф.* Беседы у камелька. М., 2003.
9. *Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2008.
10. *Смирнов В.П.* Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 63–104.
11. *Согрин В.В.* Три ключевые проблемы истории Нового курса Ф.Д. Рузвельта // Новая и новейшая история. 2007. № 5.
12. *Согрин В.В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.
13. *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1990.
14. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Тт. 1–2. М., 1958.
15. *Юнгблуд В.Т.* Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998.
16. *Bailey Th. A.* A Diplomatic History of the American People. New York, 1958.
17. *Burns M.* Roosevelt: the Lion and the Fox. New York, 1956.
18. *Dallek R.* The American Style of Foreign Policy. Cultural Politics and Foreign Affairs. New York, 1983.
19. *Gaddis J.L.* Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive History. New York, 1978.
20. *Gardner L.C.* A Covenant with Power: America and the World Order from Wilson to Reagan. London, 1984.
21. *Gardner L.S., LaFeber W.F., McCormick T.J.* Creation of the American Empire: U.S. Diplomatic History. Chicago, 1973, 1976.
22. *Henderson L.W.* A Question of Trust. The Origins of U.S.-Soviet Diplomatic Relations. Stanford, 1986.
23. *La Feber W.* The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad. 1750 to the Present. New York, London, 1994.
24. *Maddux T.R.* Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933–1941. Tallahassee, 1980.
25. *Moley R.* After Seven Years. New York, 1939.
26. *Perlmutter A.* Making the World Safe for Democracy: A Century of Willsonianism and It's Totalitarian Challengers. Chapel Hill (NC), 1997.
27. *Powaski R.E.* The Cold War. The United States and the Soviet Union, 1921–1991. Oxford (NY), 1999.
28. Public Opinion, 1935–1946 / Ed. H. Cantril, M. Strunk. Princeton (NJ), 1951.
29. Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt / Ed. S.I. Roseman. 13 vols. New York, 1938–1950.
30. *Rosenberg E.S.* Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890–1945. New York, 1982.
31. *Saul N.* Friends or Foes? The United States and Soviet Russia. 1921–1941. Lawrence (Kansas), 2006.
32. *Tugwell R.G.* The Democratic Roosevelt. New York, 1957.
33. Two Centuries of U.S. Foreign Policy. The Documentary Record / Ed. S.J. Valone. Westport (Ct.), London, 1995.
34. Wartime Correspondence between President Roosevelt and Pope Pius XII / Ed. by M. Taylor. New York, 1988.
35. *Welles S.* Where Are We Heading. New York, 1946.
36. *Willkie W.* One World. New York, 1943.